

НАУЧНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

САЯНО-АЛТАЯ

SAYAN-ALTAI SCIENTIFIC REVIEW

№1 (25) 2020

Археология / Archaeology

ISSN 2304-7488

СОДЕРЖАНИЕ

Поляков А. В. Проблема сложения окуневской культуры в свете современных научных данных	3
Мургабаев С. С., Бахтыбаев М. М., Малдыбекова Л. Д. Археологические исследования на могильнике Баганалы	7
Килуновская М. Е., Семенов А. В., Чадамба Л. Д. Памятник наскального искусства в долине реки Торгалыг – гора Кара-Туруг (Овюрский район Республики Тыва)	21
Гантулга Ж., Еруул-Эрдэнэ Ч., Магай Ж. Некоторые результаты изучения оленных камней в долине реки Хойд Тамир	45
Ли Инфу Древнейшие железные изделия и появление технологии выплавки железа в Китае	60
Есин Ю. Н., Хоммель П., Амзараков П. Б., Ковалева О. В., Витлам Д., Петрова Н. Ю., Иптышев А. В. Современные проблемы изучения жилищ тагарской культуры Минусинской котловины	72
Данькин Е. Н., Есин Ю. Н., Поселянин А. И., Тараканов В. В. Петроглифы тагарской культуры в погребальном контексте могильника Абакан-24	85
Килуновская М. Е., Леус П. М. Ажурные бронзовые пряжки эпохи хунну в Туве	97
Рогова И. Г. Новые петроглифы на курганных камнях Минусинской котловины: некоторые результаты расчистки изображений от лишайников	126
Есин Ю. Н., Осава Т., Чистобаева Н. С., Бурнаков А. А., Оборин Ю. В. Фрагмент зеркала династии Тан с новой рунической надписью	133
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	144
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	146

CONTENTS

Polyakov A. V. The problem of origin of the Okunev culture in the light of modern scientific data	3
Murgabayev S. S., Bakhtybayev M. M., Maldybekova L. D. Archaeological research at the Baganaly burial site	7
Kilunovskaya M. E., Semenov A. V., Chadamba L. D. Rock art site in the Torgalyg river valley – the Kara-Turug mountain (Ovyur district of the Republic of Tuva)	21
Gantulga Zh., Eruul-Erdene Ch., Magail J. Some results of the study of deer stones in the Hoyd Tamir river valley	45
Li Yingfu The most ancient iron artifacts and the origin of iron smelting technology in China	60
Esin Yu. N., Hommel P., Amzarakov P. B., Kovaleva O. V., Whitlam J., Petrova N. Yu., Iptyshev A. V. Current problems in the study of Tagar culture dwellings in the Minusinsk basin	72
Dankin E. N., Esin Yu. N., Poselyanin A. I., Tarakanov V. V. Petroglyphs of the Tagar culture in the funeral context of the burial Abakan-24	85
Kilunovskaya M. E., Leus P. M. Bronze openwork buckles of the Xiongnu period in Tuva	97
Rogova I. G. New petroglyphs on kurgan stones in the Minusinsk basin: preliminary results of cleaning images from lichens	126
Esin Yu. N., Ōsawa T., Chistobaeva N. S., Burnakov A. A., Oborin Yu. V. Fragment of a Tang dynasty mirror with a new runic inscription	133
CONTRIBUTORS	144
LIST OF ABBREVIATIONS	146

СОВЕРМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ЖИЛИЩ ТАГАРСКОЙ КУЛЬТУРЫ МИНУСИНСКОЙ КОТЛОВИНЫ

Ю. Н. Есин, П. Хоммель, П. Б. Амзараков, О. В. Ковалева,
Д. Витлам, Н. Ю. Петрова, А. В. Иптышев

УДК 903.4

Статья посвящена проблемам изучения жилищ тагарской культуры эпохи раннего железа на юге Сибири. Краткий анализ историографии с учетом новых материалов свидетельствует о необходимости дальнейшего совершенствования существующей классификации тагарских поселений и жилищ. Вводятся в оборот некоторые результаты новых полевых работ на памятниках в долине р. Уйбат и на Боярском хребте. Сделан вывод о наличии в регионе в эпоху раннего железа жилищных построек разного типа, неодинаково представленных разными типами источников. На основе анализа имеющихся материалов высказан ряд рабочих гипотез об их хронологическом соотношении и функции, об архитектуре жилищ и ее соотношении с архитектурой курганов, о связях с домостроительными традициями населения более раннего времени и других регионов, которые задают направления для дальнейших полевых исследований.

Ключевые слова: Южная Сибирь, тагарская культура, скифская эпоха, эпоха хунну, ранний железный век, жилище, наскальные изображения.

Введение

Минусинская котловина — один из наиболее исследованных в археологическом плане регионов Азии. Здесь раскопаны тысячи курганов, разработана их подробная классификация и периодизация. Совсем по-другому обстоит дело с поселенческими комплексами. К настоящему времени на территории Минусинской котловины было обнаружено всего около шести-семи десятков поселений, относящихся к тагарской археологической культуре, исследовано же из них частично или полностью не более одного десятка. Это не позволяет получить необходимые сведения о хозяйстве, архитектуре жилищ и других аспектах этой сферы культуры [Hommel et al., 2018]. Сложившуюся ситуацию ранее довольно точно охарактеризовал Д. Г. Савинов: «Такое соотношение исследованных погребальных и поселенческих комплексов, несомненно, создает одностороннее (если не сказать искаженное) представление о характере развития минусинских культур, т.к. известно,

что погребальный обряд и набор предметов сопроводительного инвентаря, как бы впечатляющи они ни были, в большей степени отражают сакрализованную, обусловленную мировоззрением и ритуалом, сторону жизни древних обществ. За пределами внимания исследователей при таком соотношении источников в значительной мере остается то, что принято называть бытовой или традиционной культурой во всем многообразии и сложностях ее проявлений» [Савинов, 1996, с. 7].

Данная ситуация в археологии Минусинской котловины сложилась по ряду причин. Одна из них заключается в том, что выявление поселений скотоводов гораздо сложнее обнаружения их же курганных могильников. Поиск поселений требует иной стратегии, основанной не на современных представлениях о подходящих для этого местах, а учитывающей специфику хозяйства той или иной эпохи. Сыграла свою роль также сформировавшаяся за много лет научная традиция, определяющая приоритеты и стереотипы

* This project is funded by the British Academy and supported by the Khakassian Research Institute for Language Literature and History and the FLAME Project (ERC Advanced Grant 1300505).

большинства исследователей археологических памятников региона.

Задачи данной статьи – краткий историографический обзор и проблемный анализ имеющихся результатов изучения поселений и жилищ населения Минусинской котловины I тыс. до н. э., введение в оборот новых материалов и наблюдений, определение перспективных направлений для дальнейших исследований.

Существующие представления о типах поселений и жилищ тагарской культуры

Несмотря на слабую изученность поселенческих комплексов тагарской культуры, определенные материалы по ним за прошедшее время все же накоплены. За точку отсчета можно принять научное исследование поселения тагарской культуры, которое было проведено в 1922 г. С. А. Теплоуховым у с. Батени. Это были незначительные по масштабу раскопки многослойного поселения, один из слоев которого содержал в себе находки тагарского времени. В последующие годы усилиями многих археологов число обнаруженных поселенческих памятников тагарского и переходного тагаро-таштыкского времени в Минусинской котловине выросло до нескольких десятков, хотя большая их часть оставалась неисследованной. Существующая сегодня классификация тагарских поселений и жилищ была разработана в 1970–1980 гг. на основе имевшихся к тому времени материалов [Мартынов, Абсалямов, 1988].

Поселения. В основу имеющейся классификации тагарских поселений положены два наиболее общих признака: 1) мощность культурного слоя, позволяющая судить о продолжительности обитания в данном месте; 2) наличие или отсутствие укреплений для защиты от нападения извне. В результате были выделены 3 типа памятников:

1. Долговременные неукрепленные места обитания, расположенные на приречных и приозерных террасах, защищенных с одной или двух сторон возвышенностями. Для них характерно наличие относительно мощного культурного слоя и высокая концентрация находок. В ряде

случаев обнаружены остатки долговременных жилищных построек. К этому типу поселений тагарцев было отнесено основное число найденных памятников [Там же, с. 15].

2. Временные стоянки, связанные с целенаправленной производственной деятельностью, с сезонным пребыванием скотоводов во время отгона скота на летние пастбища или добычей руды. Культурный слой на них почти отсутствует, находки малочисленны. Логичным было предположение об использовании здесь для проживания легких наземных жилищ [Там же, с. 61].

3. Поселения и временные укрытия разной площади, защищенные с помощью валов и рвов. Датированы все они тагаро-таштыкским переходным временем [Там же, с. 55]. Стоит, однако, отметить, что фактически А. И. Мартыновым и М. Б. Абсалямовым в этот тип оказались объединены два совершенно разных типа объектов: 1) использующие мысовидные выступы и участки террас, укрепленные с напольной стороны; 2) кольцевые городища (диаметром от нескольких десятков до примерно 200 м). Если на территории первых встречается значительный культурный слой, остатки жилищ, то на площади вторых остатков жилищ пока не обнаружено. Изучение второго типа сооружений у сел Знаменка и Троицкое позволили выявить глинобитные стены, облицованные сырцовым кирпичом, и сделать вывод о том, что функционально эти сооружения являлись святилищами [Кызласов, 2011а]. Правда, внутри кольцевых городищ на р. Сыда, где для укрепления вала и оформления входа с внутренней стороны использовали вертикально вкопанные каменные плиты с контрфорсами, сделаны сборы обычного поселенческого материала [Ботвич, 2008]. Эти два типа укрепленных объектов, видимо, следует дополнить еще одним – крепостными сооружениями на вершинах гор, поскольку исследователи, проводившие разведочную шурфовку таких сооружений, в ряде случаев находили керамику «тагаро-таштыкского облика» [Готлиб, Подольский, 2008, с. 22].

Жилища. Несмотря на то, что к середине 1980-х гг. было раскопано небольшое количество тагарских жилищ, существенные конструктивные

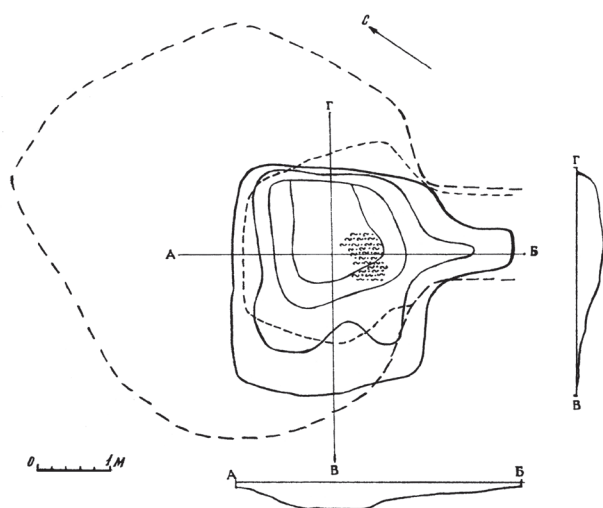

Рис. 1. План жилища 2 на Шестаковском городище [Мартынов, Абсалямов, 1988, рис. 20]

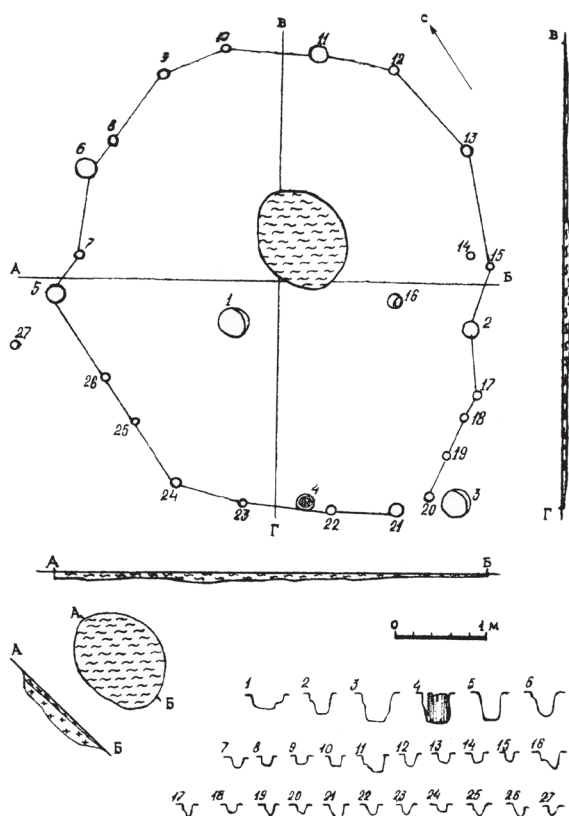

Рис. 2. План конического жилища на Шестаковском городище [Мартынов, Абсалямов, 1988, рис. 24]

различия позволили предложить их классификацию. В основу этой классификации положены два наиболее общих признака: 1) форма жилища в плане (круглая или прямоугольная); 2) использованный материал (наличие или отсутствие каменных конструкций). В результате были

выделены 3 типа построек [Абсалямов, 1977; Мартынов, Абсалямов, 1988, с. 71–88]:

1. Четырехугольное срубное жилище. Предполагается, что это наиболее устойчивый и типичный для тагарцев тип жилища. Основная информация получена при изучении 4-х жилищ на Шестаковском городище, расположенном на северо-западной периферии тагарской культуры за пределами Минусинской котловины [Мартынов, 1973] (рис. 1). Глубина котлована этих жилищ от уровня древней дневной поверхности – около 0,4–0,6 м, длина стен около 3,5 м, углы ориентированы по сторонам света, небольшой коридорный вход расположен возле одного из углов или в середине юго-восточной стороны. Был сделан вывод, что этот же тип постройки передают изображения срубных жилищ на Боярском хребте [Мартынов, Абсалямов, 1988, с. 78], выбитые в переходное тагаро-таштыкское время. Вместе с тем следует обратить внимание, что вход коридорного типа (и место его расположения возле угла этих жилищ) отличается от устройства входа у жилищ Боярского хребта.

Необходимо отметить, что с теми же самыми изображениями срубных жилищ Боярского хребта были сопоставлены и жилища Ташебинского городка переходного тагаро-таштыкского времени, не имевшие котлованов. По предположению Л. Р. Кызласова [2001, с. 120–122] и И. Л. Кызласова [2011, с. 65], это были наземные деревянные срубы, не оставившие следов, но сопровождавшиеся выкопанными для хранения продуктов погребями.

Жилищный комплекс, включающий две однокамерные прямоугольные полуземлянки с коридорным входом (входы расположены в центре и возле угла юго-восточной стены), в 2014 г. раскопан Саянской экспедицией ИИМК РАН на тагарском поселении Рошинское-2 на юго-восточной окраине Минусинской котловины. Это поселение с материалами сарагашенского типа располагалось на территории Курагинского района Красноярского края в 2,5 км к востоку от с. Рошинское, между руслом р. Туба и грядой сопка, вдали от воды. Судя по расположению столбовых ям, эти

жилища, видимо, принадлежат не к срубному, а к каркасно-столбовому типу. Характер построек и их расположение в ландшафтном контексте не вписываются в существующую классификацию тагарских поселений.

2. Коническое жилище типа шалаша. Считается, что это второй основной тип тагарских жилищ. На памятниках Минусинской котловины и в Ачинско-Мариинской лесостепи раскопано около 30 таких сооружений (Шестаковское городище, Устинкино II и др.) (рис. 2). Диаметр основания таких жилищ около 3 м (сохраняются остатки наклонных ямок от соединявшихся наверху жердей), глубина жилищной впадины или углубления – 0,1–0,5 м, вход расположен с востока. Этот тип жилища также был сопоставлен с некоторыми наскальными изображениями на Боярском хребте. По сопровождающим находкам такие жилища отнесены к концу тагарской культуры или к переходному тагаро-таштыкскому периоду. Высказано предположение, что первоначально тагарцы могли использовать их на временных поселениях, связанных с выпасом скота и добычей руды [Сунчугашев, 1975, с. 99], но около III в. до н.э. происходит широкое распространение этого типа построек. Возможно, это было связано с изменением этнического состава населения, возрастанием его подвижности, и фактически этот тип жилища характеризует уже новую эпоху – эпоху хунну [Мартынов, Абсалямов, 1988, с. 24, 91].

3. Четырехугольное каменное жилище. Оценивается как наиболее редкий и наименее изученный тип. Раскопано 4 жилища в Минусинской котловине (Гришкин Лог VI и VII, раскопки М.Н. Комаровой в 1958 г.; Лобик, раскопки С. Рахимова в 1963 г.) и 6 – в Ачинско-Мариинской лесостепи (поселение на берегу оз. Утинка, раскопки А.И. Мартынова, А.М. Кулемзина, Ю.М. Бородкина, А.В. Циркина в 1970–1975 гг.). Оба жилища на памятнике Гришкин Лог VI имели прямоугольную форму, углубленную в землю на 0,9 м, а по бортам котлована сверху – стены, сложенные из плитняка на высоту до 0,5 м. Котлован жилища на памятнике Гришкин Лог VII имел размеры 6х5–4,5 м и глубину 0,3–0,6 м и по стенам был обставлен вертикаль-

ными плитами. Жилище на поселении Лобик (2 км к северо-западу от с. Батени на второй надпойменной террасе, у подножия горы коренного берега р. Енисей) состояло из трех помещений (пристроенных друг к другу или построенных одновременно, каждое размером 10х6,5–9,5 м), соединенных проходами. Стены жилища сложены из мелких плит, выровнены как с внешней, так и с внутренней стороны. Они сохранились на высоту 0,5 м при ширине 1,2–1,5 м. По материалам, полученным в результате раскопок, жилища памятника Гришкин Лог VI отнесены к подгорновскому, а Гришкин Лог VII и Лобик – к сарагашенскому этапам тагарской археологической культуры [Грязнов, 1965, с. 70; Вадецкая, 1986, с. 108, 117].

Все эти четыре жилища с каменными конструкциями оказались объединены в один тип, но на самом деле демонстрируют существенные конструктивные отличия: 1) постройки из Гришкиного Лога, очевидно, являются землянками или полуземлянками, а жилище на поселении Лобик – наземное; 2) жилища в Гришкином Логу – однокамерные, а жилище на памятнике Лобик – многокамерное. Неясно, насколько правомерно называть эти жилища «каменными», действительно ли их стены целиком строились из камня или камень использовался только для нижней части стен и сочетался с другими материалами.

В последние годы жилища этого типа выявлены еще на ряде поселений центральной части Минусинской котловины. Были сделаны планы нескольких таких сооружений, расположенных в долине р. Биджа (Узун-Хыр, Подкуня-I, Подкуня-II и др.). Сопутствующий материал из шурфов и сборов позволяет отнести одно из них к сарагашенскому этапу тагарской культуры [Минор, 2017]. Локализация этих жилищ в ландшафте также не вписывается в существующую классификацию тагарских поселений.

Таким образом, история изучения поселений и жилищ тагарской археологической культуры остается на этапе накопления источников. Доступная информация из Минусинской котловины ограничена всего несколькими памятниками с небольшим количеством изученных

жилищных построек. Причем и они должным образом не опубликованы, в научный оборот введена лишь очень краткая и неполная информация. Пока основные изученные материалы происходят из северо-западной лесостепной окраины ареала тагарской культуры, были получены много десятилетий назад и относятся к позднему этапу ее развития. Датирование построек, как правило, осуществлялось по типу керамики и изделиям из металла. Очевидно, что существующие разработки о типах поселений и жилищ потребуют значительных корректив для более полного учета признаков конструкции, функции, ландшафтного контекста, географического положения и хронологии. Для более точного определения возраста жилищ необходимо систематическое использование радиоуглеродного датирования.

Жилища в долине р. Уйбат

Среди различных типов поселенческих сооружений тагарской эпохи наибольший интерес представляют жилищные конструкции, важным строительным материалом которых являлся камень и которые остаются практически неизученными.

На протяжении ряда последних лет одним из авторов были осмотрены десятки подобных каменно-земляных сооружений, ареал которых охватывает всю степную часть Минусинской котловины. Обычно они расположены на удалении от водных источников, в складках сопок или на склонах гор. Они имеют правильные геометрические формы, но не только прямоугольные – встречаются также объекты округлой и овальной формы. Видимые на поверхности конструкции образованы из вкопанных вертикально или уложенных плашмя каменных плит и крупных валунов. Порой стенки сооружений образованы двумя параллельными рядами таких

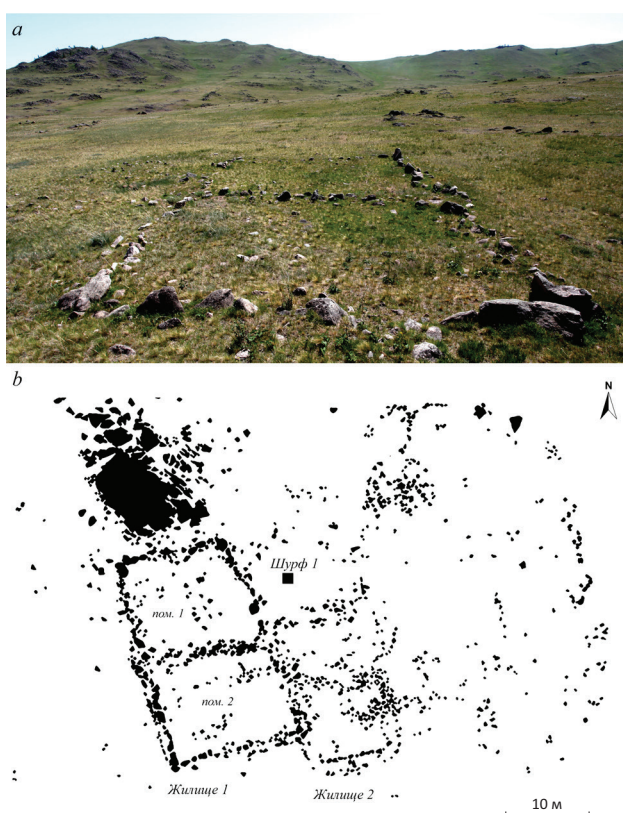

Рис. 3. Поселение Большой Сахсар-2:
а – общий вид жилища 1 с севера; б – план видимых на поверхности каменных конструкций жилищ 1 и 2 с указанием места закладки шурфа 1

Рис. 4. Поселение Большой Сахсар-2, шурф 1:
1 – культурный горизонт 1, западная стенка;
2 – культурный горизонт 2, восточная стенка

Результаты радиоуглеродного датирования образцов костей животных верхнего и нижнего культурных горизонтов из шурфа 1 поселения Большой Сахсар-2

¹⁴C Measurement Results

Sample		Dated Fraction	GrM-	F ¹⁴ C (± 1σ)	¹⁴ C Age (yr BP, ± 1σ)
Name	Material (Pretreatment)				
SAKS-I-TP1-Upper horizon	Bone (Longin)	Collagen	15501	0.7569 ± 0.0016	2235 ± 19
SAKS-I-TP1-Lower horizon	Bone (Longin)	Collagen	15503	0.6923 ± 0.0018	2955 ± 20

Note: Samples with a 'GrM' number have been measured with our new 'Micadas' AMS.

Additional Measurement Results

Sample Name	% C	δ ¹³ C (‰ PDB; ± 1σ)	% N	δ ¹⁵ N (‰ Air; ± 1σ)	C:N Ratio
SAKS-I-TP1-Upper horizon	47.3	-20.23 ± 0.16	17.2	6.23 ± 0.10	3.22
SAKS-I-TP1-Lower horizon	44.9	-18.41 ± 0.16	16.3	6.92 ± 0.10	3.21

Calibrated Dating Results

¹⁴C ages have been calibrated to calendar years with software program OxCal (Bronk Ramsey, 1995) version 4.3, using the IntCal13 calibration curve (Reimer *et al.*, 2013).

Sample Name	GrM-	Calibrated Age Range (Year BCE, 68% Probability)		Calibrated Age Range (Year BCE, 95% Probability)	
		From	To	From	To
SAKS-I-TP1-Upper horizon	15501	366	231	381	208
SAKS-I-TP1-Lower horizon	15503	1211	1127	1258	1088

Note: The 68% (1σ) and 95.4% (2σ) probability ranges shown on the graphs are based on the ¹⁴C measurement results. These date ranges indicate the time periods that match the measured ¹⁴C values at this level of probability.

камней. В ряде случаев может быть выделено основное сооружение и пристройки, вход, очаг.

Одним из мест наибольшей концентрации данного типа сооружений являются восточные склоны горного массива Большой Сахсар на правом берегу р. Уйбат вблизи пос. Ильича (Усть-Абаканский район Республики Хакасия). Существует гипотеза, интерпретирующая название Сахсар (Сахсаар) как «Военный город» или «Сторожевой город», а в качестве возможной мотивировки такого названия указывающая на существование города ниже по течению р. Уйбат (около 15 км) в Средние века [Кызласов, 1992, с. 97; Бутанаев, 1995, с. 104]. При этом слово *саар* 'город', встречающееся также в хакасском фольклоре, сопоставимо с *шаар* 'город' у жителей Восточного Туркестана и Тянь-Шаня и восходит к персидскому *шахар* с тем же значением [Кызласов, 1992, с. 96]. Однако если данная интерпретация названия горного массива верна, то его более вероятной мотивировкой могло быть наличие большого числа жилых построек или их остатков в самом горном массиве.

В 2018 г. на одном из наиболее перспективных (с точки зрения как сохранности конструкций, так и предполагаемой мощности отложений) памятников Большой Сахсар-2 (около 8 км к западу от пос. Ильича) были проведены разведочные археологические работы, включающие аэрофотосъемку, магнитометрическое исследование и рекогносцировочные раскопки малой площадью. Памятник расположен на относительно ровной и просторной площадке в средней части склона горы к югу от крупного скального останца. Лучшее всего сохранившееся строение (жилище 1) имело подпрямоугольную форму (27х15 м), ориентированную по линии СЮ с небольшим отклонением (рис. 3, а). В качестве строительного материала использованы гранитные породы местного происхождения. На поверхности выше всего выступают камни западной стенки жилища, для которой использованы крупные валуны. Самые массивные и высокие из них установлены в северо-западном и юго-западном углах. Примерно в центре сооружение было разделено на северную и южную части (помещения 1 и 2) стеной с небольшим промежутком

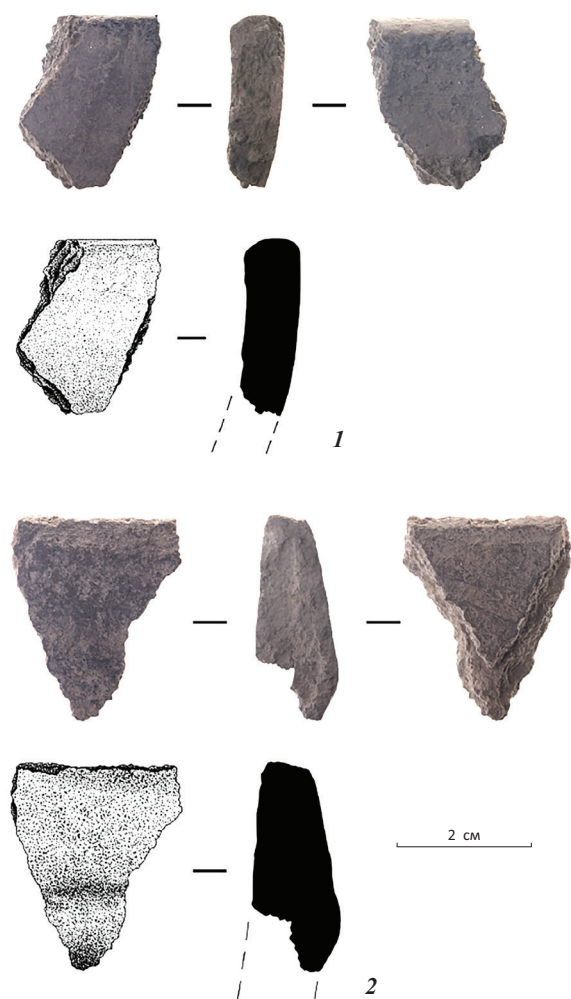

Рис. 5. Поселение Большой Сахар-2, два фрагмента керамики из шурфа 1, культурный горизонт 1

в западной части. В восточной стенке помещения 1 этой постройки имеется промежуток шириной около 1 м – вход (рис. 3, б). Еще одна важная конструктивная особенность стен – наличие на некоторых участках двух параллельных линий камней с земляным заполнением между ними. В частности, такая конструкция отчетливо фиксируется у южной стены. Расположение видимых на поверхности камней внутри жилища позволяет допускать наличие внутри помещений дополнительных конструкций или перегородок.

К юго-восточной стороне описанной конструкции примыкает подобное же в плане сооружение (жилище 2), но меньших размеров (рис. 3, б). Его стенки сильнее задернованы и менее выражены на поверхности земли. Оно также имеет подпрямоугольную форму и разде-

лено на две части стенкой посередине. Хорошо заметны две параллельные линии камней, образующие стены. Для определения соотношения этих двух конструкций необходимо проведение археологических раскопок. Пока можно предполагать, что они однотипные, но разновременные, причем второе сооружение более раннее.

К востоку от помещения 1 жилища 1, а также в различных частях склона были заложены рекогносцировочные шурфы, которые подтвердили наличие культурного слоя с материалом поселенческого характера. В двух шурфах были обнаружены небольшие фрагменты керамических сосудов и остеологический материал. Проведен радиоуглеродный анализ двух фрагментов костей животных из шурфа 1 (с восточной стороны от помещения 1 жилища 1) с нижнего и верхнего уровней культурных отложений (рис. 4). Калиброванная дата (95 % вероятности; OxCal 4.3) для находки с нижнего уровня – 1258–1088 лет до н.э. (GrM-15503), для находки с верхнего уровня – 381–208 лет до н.э. (GrM-15501) (табл. 1). Типологически найденная керамика относится к тагарской археологической культуре (рис. 5). Мощност культурных слоев и полученные для органики из шурфа 1 хронологические рамки свидетельствуют о длительном проживании здесь человека: с эпохи поздней бронзы до сарагашенского этапа тагарской культуры, вероятно, с некоторым перерывом, фиксируемым стратиграфией культурных отложений (рис. 4, 2). В этом контексте оба хорошо видимые на поверхности и конструктивно однотипные каменные сооружения должны быть отнесены к тагарской культуре.

Среди ранее изучавшихся тагарских построек по конструкции стен и планировке этим жилищам наиболее близки многокамерное наземное жилище на памятнике Лобик и жилища, выявленные в долине р. Биджа. Можно также упомянуть и наземные прямоугольные жилища на оз. Утинка в Ачинско-Маринской лесостепи, основание стен которых сложено из каменных глыб и глины и возвышалось над уровнем материка на 50–70 см [Мартынов, Абсаямов, 1988, с. 88].

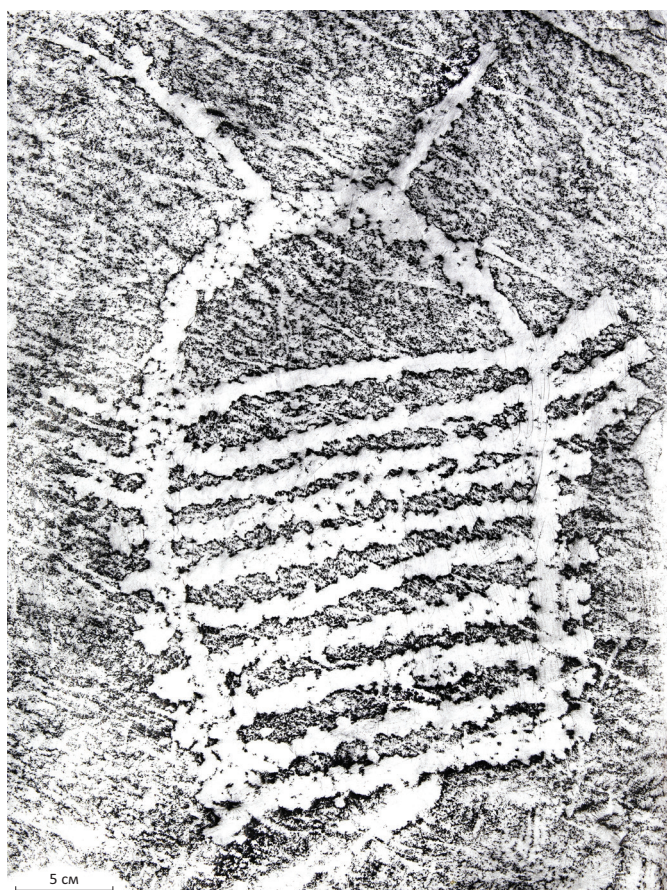

Рис. 6. Изображение наземного деревянного жилища с соединением бревен в обло на Боярском хребте (фото Ю. Н. Есина)

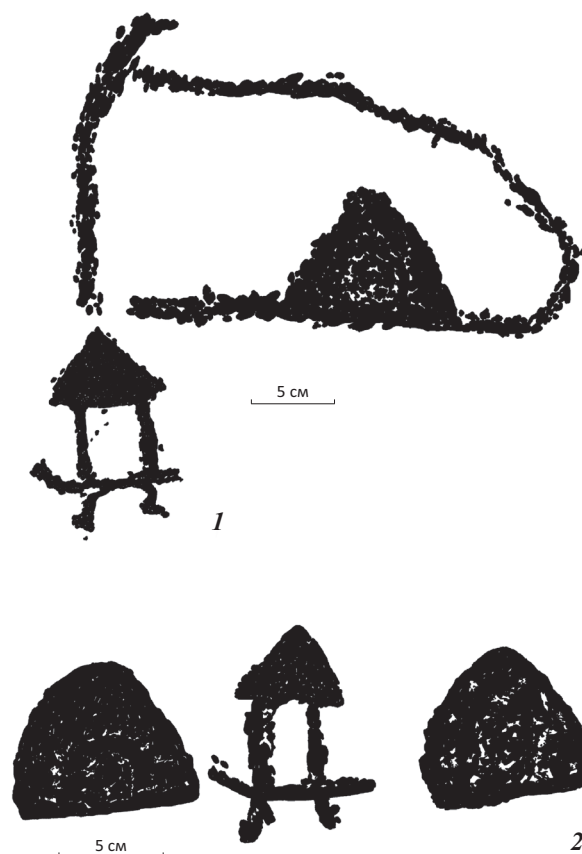

Рис. 7. Изображения легких наземных каркасных жилищ и крытых саней на Боярском хребте (рисунок Ю. Н. Есина)

Жилища эпохи раннего железа в наскальном искусстве

Наряду с остатками реальных сооружений другой ключевой источник сведений о жилищах – наскальные изображения. Изображения жилищ – редкая тема в наскальном искусстве Минусинской котловины. Жилища эпохи раннего железа были важной темой только на Боярском хребте в центральной части Минусинской котловины. Отдельные рисунки этого же времени известны также на скалах гор Оглахты, памятника Улазы и др. Впервые наличие изображений жилищ на Боярском хребте зафиксировал А.В. Адрианов [1904; 1906]. Серьезный анализ конструктивных особенностей показанных на скалах жилищ, их взаимосвязи с социальной структурой и хозяйством предпринимали М.П. Грязнов [1933] и С.В. Киселев [1933; 1951]. Наиболее обстоятельное и разностороннее изучение провела М.А. Дэвлет [1976]. Позднее

к некоторым аспектам этих образов обращались и другие исследователи. Опыт натурной полномасштабной реконструкции одного из типов жилищ, показанных на Боярском хребте, был недавно получен в рамках работ по проекту «Поселок предков» [Есин, Поселянин и др., 2018].

Несмотря на длительную историю изучения, общепринятой классификации изображенных на скалах жилищ пока не появилось. Исследователи единодушны относительно наличия изображений деревянных наземных жилищ (рис. 6), но расходятся относительно идентификации других типов. Также есть расхождения по поводу назначения некоторых элементов рисунков.

Наша работа на памятнике позволила уточнить и дополнить имевшиеся ранее материалы, а также выделить новую группу рисунков, конструктивно и функционально связанную с жилищами, – каркасные крытые конструкции на санях [Есин, 2019].

В настоящее время, опираясь на изображения жилищ на скалах, можно предложить следующую наиболее общую классификацию жилищных сооружений раннего железного века: 1) стационарные; 2) легкие каркасные; 3) установленные на повозках. Каждая из этих трех групп, в свою очередь, включает ряд типов и вариантов конструкций.

Наскальные изображения Боярского хребта свидетельствуют об одновременном существовании во II–I вв. до н.э. жилищных конструкций всех трех групп. Причины параллельного использования таких разных жилищ, очевидно, обусловлены особенностями хозяйства создателей рисунков и их этнокультурной историей. Наличие разных типов жилищ соответствует скотоводческому хозяйству, предполагающему сезонную смену пастбищ и мест обитания. В этом контексте первую группу функционально можно считать зимними жилищами, вторую группу – летними, третью – жилищем на периоды передвижений между сезонными местами обитания или в ходе переселений. При этом, конечно, возможен разный генезис разных типов жилищ.

Необходимо также обратить внимание на неодновременность изображений в границах главных плоскостей Большой и Малой Боярских писаниц, о чем свидетельствуют палимпсесты, нанесение рисунков разными орудиями и разными способами. Существовавшее представление, что здесь изображен «древний поселок», требует критического отношения. Априори рассматривать все изображения на плоскости как единую композицию нельзя. Вместо этого необходимо выявление действительных композиционных связей между отдельными изображениями, которое будет учитывать специфику изобразительного текста и приемы определения его границ [Есин, 2003; 2009, с. 50]. В этом плане особенно важен сравнительный материал с других небольших скальных плоскостей Боярского хребта, композиционная связь между рисунками которых представляется более вероятной. Среди них есть изображение в профиль, скорее всего, легкого каркасного жилища, возле которого имеется ограда (возможно, загон для скота), показанная в плане. С этим жилым комплексом, видимо,

связаны сани с крытым кузовом, выбитые рядом (рис. 7, 1). Подобные же сани, как представляется, выбиты одновременно с двумя другими жилищами легкого каркасного типа (рис. 7, 2). В обоих случаях снизу саней показано по две вертикальных линии. Вероятно, так изображены сани, установленные на столбах. Такая конструкция подобна поднятым над землей настилам или более сложным сооружениям («амбарчикам», «лабазам») ряда народов Сибири, позволявшим защитить имущество от грызунов и хищных животных. С аналогичной целью, для хранения зимней одежды и другого имущества, могли использовать крытые сани, устанавливаемые на столбах на месте продолжительной стоянки.

Изучение возраста жилищ на скалах Боярского хребта позволяет относить их к концу существования тагарской культуры. Для степных территорий Центральной и Восточной Азии – это эпоха хунну. Минусинская котловина в это время испытала влияние новых племен и традиций с юга. В связи с этим важен поиск ответа на еще один вопрос: насколько типы жилищ, выбитые на скалах Минусинской котловины в последние века до н.э., могут привлекаться для характеристики домостроительных традиций тагарской культуры более раннего времени? Сопоставимы ли деревянные жилища, выбитые на скалах, с тем типом конструкций, который изучался на хребте Большой Сахар, или с жилищами Шестаковского городища? Представляется, что они весьма отличны. По планировке такие тагарские полуземлянки и наземные жилища близки не жилищам, изображенным на Боярском хребте во II–I вв. до н.э., а изображениям жилищ эпохи поздней бронзы на скалах более южных областей Саяно-Алтая [Дэвлет, 2006, рис. 1 и 2]. Сопоставление именно с этой группой изображений будет более продуктивным для изучения тагарских жилых построек Минусинской котловины. Изображения конца II – начала I тыс. до н.э. принадлежат не только к иной домостроительной, но и к иной изобразительной традиции, т.к. показаны в проекции сверху, а не сбоку. Характерно, что типичная для нее проекция сверху в показе жилищ сочетается с аналогичным способом изображения упряжного транспорта, тогда как в эпоху

хунну вид жилищ сбоку сочетается с профильной проекцией упряжного транспорта.

Заключение

Проведенный выше анализ историографии и результатов новых полевых работ позволяет подвести некоторые итоги и наметить ряд наиболее актуальных направлений в изучении жилищ тагарской культуры, требующих специального внимания на данном этапе исследований и на перспективу, а также предложить ряд рабочих гипотез:

1. В регионе в эпоху раннего железа присутствуют разные типы жилищных построек, неодинаково представленные разными типами источников. Имеющиеся сведения о них пока очень ограничены, поэтому существующая классификация носит предварительный характер и требует дальнейшей разработки. Остается неясным, насколько те или иные особенности обусловлены географическими, ландшафтными, хронологическими и этнокультурными причинами. Особенно остро на современном этапе изучения стоит вопрос их хронологического соотношения, для решения которого уже недостаточно типологического изучения керамики и других находок, а необходимо получение серии радиоуглеродных дат, которые пока почти отсутствуют.

2. Другая актуальная проблема – изучение и сопоставление функции построек разного типа в рамках существовавшего хозяйственного уклада. Оценивая особенности конструкции и ландшафтный контекст жилищ на хребте Большой Сахсар, можно отметить признаки их приспособленности к использованию в зимний период. В пользу этого свидетельствует значительная толщина стен, позволяющая лучше сохранять тепло. Еще одним аргументом может быть относительная удаленность от воды, которая не очень существенна в случае наличия рядом снега. Выбор для постройки восточного склона горы позволял защитить жилища от господствующих западных ветров, что также особенно важно в холодное время года. Несмотря на большое число жилищ на хребте, они не образуют плотной застройки, а рассредото-

чены по склонам, что соответствует специфике скотоводческого хозяйства, требующего места для содержания скота.

3. Архитектура жилищ обнаруживает некоторое сходство с архитектурой курганов тагарской культуры. В числе признаков сходства – подквадратная форма тех и других в плане; использование вертикально врытых плит, образующих нижнюю часть внешнего контура стен и ограду курганов; использование более высоких камней по углам жилищных конструкций и по углам оград курганов; вход с восточной стороны у жилищ и дополнительные конструкции с востока ограды у ряда курганов; сооружение дополнительных «комнат» по линии СЮ у жилищных построек и пристройка по той же схеме новых оград у курганов раннетагарского времени. Такое сходство подкрепляет идею, что погребальные сооружения – это жилища для мертвых. Исследования в этом направлении позволят лучше понять специфику конструкции курганов тагарской культуры.

4. Актуальны вопросы изучения использовавшихся строительных материалов, строительных приемов и функций отдельных элементов конструкции. Вертикально врытые плиты по контуру жилищ на хребте Большой Сахсар, очевидно, формируют каркас их стен, а более высокие камни по углам (а иногда и в средней части стен) укрепляют узловые части конструкции и придают стенам большую вертикальную устойчивость. Довольно часто плиты и камни образуют два параллельных ряда с земляным заполнением между ними шириной около 0,5–1 м и даже более. У некоторых жилищ можно предполагать использование кладки из камней. Однако, учитывая количество и размеры камней, вряд ли во многих случаях стены были целиком каменными. Скорее камень использовался для строительства или укрепления нижней части стен и важных элементов конструкции. Весьма вероятно, что фиксируемые конструктивные особенности нижней части стен обусловлены тем, что сами стены были сложены из дерна. При этом плиты или камни снаружи или с двух сторон служили средством гидроизоляции этого строительного материала. Часто с западной стороны они более высокие и позволяли лучше защитить стену от дождя и ветра.

Использование кусков дерна в качестве легкодоступного в степи строительного материала было известно тагарцам, т.к. кладка из дерна фиксировалась в качестве строительного приема при возведении насыпей курганов. Помимо этого, камень мог использоваться для строительства фундамента, на котором возводились стены из дерева. Стоит отметить, что дерево широко применялось тагарцами для сооружения погребальных камер, которые порой неплохо сохранились и демонстрируют известные в этой культуре строительные приемы (способ соединения углов сруба, горизонтальный накат из бревен в качестве кровли и др.). Очевидно, что при сооружении жилищ также могли использоваться глина и береста.

5. В реконструкции облика ряда элементов жилищ, особенно выполненных из недолговечных материалов, может помочь изучение наскальных изображений, сопоставление с традиционными постройками населения Саяно-Алтая и сопредельных регионов. Например, жилища из дерева, возведенные на каменном фундаменте, известны у скотоводов Алтая и Восточного Туркестана [Caspari, 2019, fig. 3; Jacobson-Tepfer et al., 2010, fig. 1.19]. Самого пристального внимания заслуживают аналоги строительной технологии с использованием дерна, камня и дерева, которые имеются в этнографических материалах недавнего прошлого в Казахстане. В частности, сохранилось достаточно подробное описание казахского зимнего жилища со стенами из дерна примерной толщиной от 0,7 до 1,5 м, которые одновременно служили и опорой для кровли [Шнэ, 1894, с. 2].

6. Большой интерес представляют вопросы выявления схожих домостроительных технологий у других археологических культур и на других территориях в древности, а также проблема их генезиса. В частности, близкие аналоги жилым сооружениям тагарской культуры с использованием камня можно обнаружить в I тыс. до н.э. на территории Казахстана. Жилища подобного типа исследовались уже на ряде памятников в центре и на востоке страны [Мартынов, Абсаямов, 1988, с. 88; Бейсенов и др., 2017]. Сходные жилища той же эпохи обнаружены недавно

Монако-Монгольской экспедицией в Центральной Монголии. Наиболее ранний пример использования домостроительной технологии, использующей двойные ряды камней в основании стен жилищ, в Минусинской котловине можно обнаружить у жилищ андроновской культуры. В частности, двойной ряд вертикально врытых плит (расстояние между рядами 1,5 м, высота некоторых плит достигала 1,5 м, вкопаны на 15–17 см) зафиксирован у андроновского наземного прямоугольного жилища (30 x 15 м) на поселении Ключи в долине р. Черновая [Максименков, 1978, с. 46–49]. Подобная строительная технология применена у жилищ андроновской эпохи из Синьцзяна [Jia et al., 2017, fig. 6; 2017a]. В Казахстане удастся проследить длительное существование этого приема от андроновской эпохи до сакской [Бейсенов, 2017, с. 79]. Тот же строительный прием можно видеть у серии сооружений из камня эпохи бронзы в горах Алтая [Jacobson-Tepfer et al., 2010, fig. 7.16, 11.8, 11.9]. Их интерпретируют как жилища или как ритуальные сооружения, моделирующие жилища. Наиболее ранние из них строились уже в III тыс. до н.э. и могут быть связаны с чемурчекской культурой древних скотоводов.

В целом небольшие исследования, принятые коллективом авторов на р. Уйбат, свидетельствуют о значительной актуальности и перспективности продолжения работ по данной теме. Высказанные в данной статье рабочие гипотезы о строительных технологиях и архитектуре жилищ, их сезонности, хозяйстве владельцев, связях с традициями населения других регионов требуют проверки в ходе дальнейших полевых исследований на более полной источниковой базе.

Литература

- Абсаямов М.Б.** О типах жилищ на тагарских и тагаро-таштыкских поселениях // Археология Южной Сибири. – 1977. – Вып. 9. – С. 34–42.
- Адрианов А.В.** Предварительные сведения о собирании писаниц в Минусинском крае летом 1904 г. командированным комитетом А.В. Адриановым

- // Изв. Рус. ком. для изуч. Средн. и Вост. Азии. – 1904. – № 4. – С. 25–33.
- Адрианов А.В.** Писаница Боярская // Изв. Рус. ком. для изуч. Средн. и Вост. Азии. – 1906. – № 6. – С. 53–57.
- Бейсенов А.З.** Жилище сакской эпохи // Вестник Томского государственного университета. История. – 2017. – № 45. – С. 72–82.
- Бейсенов А.З., Шульга П.И., Ломан В.Г.** Поселения сакской эпохи. – Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2017. – 208 с.
- Ботвич И.И.** Кольцевые городища в долине реки Сыда // Актуальные проблемы исторического краеведения в Сибири. Материалы межрегиональной научно-практической конференции, посвященной 85-летию старейшего историка и краеведа Хакасии А.Н. Гладышевского, 18–19 декабря 2008 г., г. Абакан. – Абакан: Изд-во ХГУ им. Н.Ф. Катанова, 2008. – С. 37–39.
- Бутанаев В.Я.** Топонимический словарь Хакасско-Минусинского края. – Абакан, 1995. – 268 с.
- Вадецкая Э.Б.** Археологические памятники в степях Среднего Енисея. – Л.: Наука, 1986. – 180 с.
- Готлиб А.И., Подольский М.Л.** Све – горные сооружения Минусинской котловины. – СПб.: Элексис Принт, 2008. – 222 с.
- Грязнов М.П.** Боярская писаница // Проблемы истории материальной культуры. – 1933. – № 7–8. – С. 41–45.
- Грязнов М.П.** Работы Красноярской экспедиции // КСИА. – 1965. – Вып. 100. – С. 62–71.
- Дэвлет М.А.** Большая Боярская писаница. – М.: Наука, 1976. – 36 с.
- Дэвлет М.А.** Древние жилища народов Северной и Центральной Азии (по материалам петроглифов) // Миропонимание древних и традиционных обществ Евразии. Памяти В.Н. Чернецова. Сб. статей. – М.: ТАУС, 2006. – С. 212–238.
- Есин Ю.Н.** Социальная направленность первобытного искусства и изобразительный текст // Социально-демографические процессы на территории Западной Сибири (древность и Средневековье). Материалы всерос. науч. конф. – Кемерово, 2003. – С. 117–121.
- Есин Ю.Н.** Древнее искусство Сибири: самусьская культура. – Томск: ТГУ, 2009. – 526 с.
- Есин Ю.Н.** О древних саях на юге Сибири // Кочевые империи Евразии в свете археологических и междисциплинарных исследований: сб. науч. ст. IV Международного конгресса средневековой археологии евразийских степей, посвященного 100-летию российской академической археологии (Улан-Удэ, 16–21 сентября 2019 г.). В 2 кн. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2019. – Кн. 2. – С. 144–147.
- Есин Ю.Н., Поселянин А.И., Петренко А.Л., Егоров И.В., Торбостаев К.М., Доброва Т.Н.** Проект жилищно-хозяйственного комплекса тагарской культуры // Научно-методический журнал «Поиск». – 2018. – № 2(62). – С. 58–61.
- Киселев С.В.** Разложение рода и феодализм на Енисее // Изв. Государственной академии истории материальной культуры. – 1933. – Вып. 65. – 34 с.
- Киселев С.В.** Древняя история Южной Сибири. – М.: Изд-во АН СССР, 1951. – 644 с.
- Кызласов И.Л.** Алтаистика и археология. – М.: Ин-т тюркологии, 2011. – 256 с.
- Кызласов И.Л.** Кольцевые городища Хакасии. К истории монументальной архитектуры на Енисее (храмовая архитектура древности). – М.: ТАУС, 2011а. – 64 с.
- Кызласов Л.Р.** Письменные известия о древних городах Сибири. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1992. – 136 с.
- Кызласов Л.Р.** Гуннский дворец на Енисее. Проблема ранней государственности Южной Сибири. – М.: Вост. лит-ра, 2001. – 176 с.
- Максименков Г.А.** Андроновская культура на Енисее. – Л.: Наука, 1978. – 192 с.
- Мартынов А.И.** Новые материалы о тагаро-таштыкских поселениях и жилищах // СА. – 1973. – № 3. – С. 163–173.
- Мартынов А.И., Абсаямов М.Б.** Тагарские поселения. – Красноярск: Изд-во Красноярского гос. ун-та, 1988. – 136 с.
- Минов В.А.** Обследование древних поселений в долине реки Биджа (Усть-Абаканский район Республики Хакасия) // Научное обозрение Саяно-Алтая. – 2017. – № 1(17). – С. 38–47.
- Савинов Д.Г.** Древние поселения Хакасии. Торгажак. – СПб.: Петербургское востоковедение, 1996. – 112 с.
- Сунчугашев Я.И.** Древнейшие рудники и памятники ранней металлургии в Хакасско-Минусинской котловине. – М.: Наука, 1975. – 176 с.
- Шнэ В.** Зимовки и другие постоянные сооружения кочевников Акмолинской области // Записки

Западно-Сибирского отдела ИРГО. – Омск, 1894. – Кн. 17, вып. 1. – С. 1–19.

Caspari G. «Virtual dwellings» or architecture for the living? A hypothesis // *Archaeological Research in Asia*. – 2019 (<https://doi.org/10.1016/j.ara.2019.100157>).

Hommel P., Gosden C., Esin Yu. N. More than mounds: introducing a new project on later prehistoric settlements in Southern Siberia // *Сибирь в изменяющемся мире. История и современность: материалы Всерос. научно-теоретической конф. с международным участием, посвященной 105-й годовщине со дня рождения доктора исторических наук, профессора Всеволода Ивановича Дулова и 90-летию его ученика, доктора истори-*

ческих наук, профессора Виктора Григорьевича Тюкавкина. – Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2018. – С. 52–55.

Jacobson-Tepfer E., Meacham J., Tepfer G. *Archaeology and Landscape in the Mongolian Altai: an Atlas.* – Redlands: ESRI Press, 2010. – 209 pp.

Jia P. W., Betts A., Cong D., Jia X., Doumani Dupuy P.N. Adunqiaolu: new evidence for the Andronovo in Xinjiang, China // *Antiquity*. – 2017. – Vol. 91 (357). – Pp. 621–639.

Jia P.W., Betts A., Doumani Dupuy P.N., Cong D., Jia X. Bronze Age Hill Forts: New evidence for defensive sites in the western Tian Shan, China // *Archaeological Research in Asia*. – 2017a (<http://dx.doi.org/10.1016/j.ara.2017.10.005>).

CURRENT PROBELMS IN THE STUDY OF TAGAR CULTURE DWELLINGS IN THE MINUSINSK BASIN

Yu. N. Esin, P. Hommel, P.B. Amzarakov, O.V. Kovaleva, J. Whitlam,
N.Yu. Petrova, A.V. Iptyshev

The article is devoted to some current problems in the study of Tagar culture dwellings of the Early Iron Age in the South of Siberia. A brief analysis of the history of research of this subject and a review of some new materials indicates the need for further improvement of the existing classification of Tagar settlements and dwellings. Some results from fieldwork on sites in the Uybat river valley and on the Boyary ridge are presented. Our conclusion, that the range of dwellings encountered across the Minusinsk Basin during the Early Iron Age is not well represented in the literature or fully understood. Based an analysis of available materials, several working hypotheses are presented about their chronological correlation and function, about the architecture of the dwellings and correlations with the architecture of barrows, about connections with house-building traditions of the Bronze age and the traditions of neighbouring regions. These hypotheses, though not always conclusive, give a clear mandate for further research and define its direction.

Key words: South Siberia, Tagar culture, Scythian epoch, Xiongnu epoch, Early Iron Age, dwelling, rock art.
